

Четвергъ, 22-го января (4-го февраля) 1909 г. № 686

С Л О В О

5

Памятки.

Мы положительно начинаем становиться культурным народом. Вернее, впрочем, сказать, что та немногочисленная горсточка образованных людей, которая выброшена на поверхность громадного и темного народного моря, на долю которой выпала тяжкая честь быть мозгом страны, эта горсточка начинает усваивать культурные навыки.

И прежде всего зарождается, наконец, уважение к прошлому, и к событиям, и к людям, и к лицам, желание оградить их от забвения, создать традицию и преемственность. Съ какой ребяческой расточительностью, съ какой беззаботностью, въ теченіе всего XIX вѣка русское общество утрачивало живые документы, штрихи, письма, связанные съ писателями, поэтами, общественными дѣятелями. Но только о Лермонтовѣ и Чаадаевѣ, но даже о Некрасовѣ, современники котораго еще живутъ среди насъ, мы съ трудомъ собираемъ неполныя отрывистыя свѣдѣнія. Тѣ, что шли рядомъ съ ними, не удосужились сберечь для насъ сколько-нибудь связныя данныя.

Тѣмъ отчасти видѣть, что и въ этомъ отношеніи произошелъ, наконецъ, сдвигъ въ нашемъ сознаниі. Маленькіе и большіе журналы самыхъ различныхъ направленій охотно отводятъ мѣсто и письмамъ выдающихся людей, и запискамъ, и характеристикамъ, связаннымъ съ ближайшими переживаниями русской жизни.

Въ январскомъ номерѣ „Бодраго Слова“ печатаются восемь писемъ Вл. Соловьева. Письма А. Чехова печатаютъ и „Новый журналъ для всѣхъ“ (№ 2) и „Русская Мысль“ (январская книга). Все это коротенькія записки, отчасти переписка съ издателями, отчасти быстрый обмѣнъ дѣловыхъ сообщений, но все-таки и сквозь эту повседневность слышатся знакомые и близкіе голоса угасшихъ поэтовъ, сверкаетъ быстрее опредѣленіе, яркое слово, важная для нехъ, или для насъ черточка.

„Дѣвки невѣрны, такихъ нѣтъ и разговоровъ такихъ никогда не бываетъ, но все же пріятно читать“, — пишетъ про Горькаго А. Чеховъ въ своемъ письмѣ къ В. Поссе. Развѣ эти простые слова не передаютъ сущности Горьковской манеры?

И тотъ же А. Чеховъ въ письмѣ къ А. Эртелю, помѣченному апрѣлемъ 1897 г. („Рус. Мысль“), съ той же простотой оцѣниваетъ взгляды Толстого на искусство. „Онъ былъ у меня въ клиникѣ и говорилъ, что повѣсть свою „Воскресеніе“ онъ забросилъ, такъ какъ она ему не правится, пишетъ же только объ искусствѣ и прочелъ объ искусствѣ 60 книгъ. Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли всѣ умные старики во всѣ вѣка. Всегда старики склонны были видѣть конецъ міра и говорили, что нравственность пала до пессимизма, что искусство измельчало, износилось, что люди ослабли и т. д.“.

Очень любопытенъ неподдѣльный ужасъ, съ которымъ А. Чеховъ отбояривается отъ участія въ литературномъ вечерѣ. „Я читаю отвратительно, но это бы еще куда ни шло. Главное — у меня страхъ. Есть болѣзнь „боязни пространства“, такъ и я боюсь боязнью публики и публичности. Это глупо и смѣшно, но необходимо“.

Сколько въ этихъ словахъ горделивой скромности и какого-то художественнаго чувства самосохраненія, отталкивающего отъ себя эту жадную, всѣхъ равняющую, все принижающую публичность. Чѣмъ-то давно забытымъ и безконечно свѣжимъ вѣетъ отъ этой „глупости“.

Въ письмахъ В. Соловьева этихъ яркихъ, лачныхъ штришковъ еще меньше, но зато въ короткомъ предисловіи Л. Я. Гуревичъ даетъ скупыя, но очень тонкія впечатлѣнія отъ своихъ встрѣчъ съ покойнымъ повѣтомъ философомъ. Эти нѣсколько строкъ дадутъ психологическій матеріалъ будущему биографу Вл. Соловье-

ва, со всей его сложной, двойственной, какъ говоритъ Л. Гуревичъ, природой.

Онъ давалъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“ статьи, потомъ они разошлись изъ-за принципиальныхъ споровъ. Вл. Соловьевъ указывалъ на несвоевременность нѣкоторыхъ статей, взывалъ къ литературному такту редакціи. „Вы ищите истинъ, которыя были бы истинами и на лунѣ? Такихъ не бываетъ!“ — горячо говорилъ онъ имъ.

И тутъ же рядомъ, и изъ писемъ, и изъ короткой замѣтки встаетъ вся комичная безтолковость и непрактичность этого мудраго человѣка. И самъ онъ первый готовъ смѣяться надъ собой, какъ, впрочемъ, умѣлъ смѣяться и надъ другими.

Вотъ какъ описываетъ свою послѣднюю встрѣчу съ нимъ Л. Я. Гуревичъ.

„Это было въ домѣ Л. Н. Толстого, въ Москвѣ, куда Соловьевъ пришелъ одновременно съ женщиной, которую онъ любилъ. Онъ былъ молчаливъ, неловокъ, юношески застенчивъ, и прекрасные глаза его свѣтились тихимъ, чистымъ блескомъ. У этого двойственнаго, психологически-зыбкаго человѣка были свои неизбѣжныя святыни“.

А. Вергежскій.